

Григорий Померанц

Прошлое и будущее России

Весной 1940 года я кончал ИФЛИ (Институт истории, философии и литературы). Одним из последних предметов на экзамене был только что вышедший «Краткий курс истории ВКП(б)». Сперва я сдавал его в конце семестра, а потом на госэкзамене. И третий раз – при попытке попасть в аспирантуру.

Первый экзамен удивил меня. Вроде бы все, что сказано в учебнике, я пересказал, а затем, как принято в хорошем ответе, показал знакомство с другими книгами. Однако мне поставили не пять, а четыре. Почему? Возможно, требовалось только знание «Краткого курса» наизусть? Или важно, что я нарушил порядок изложения по пунктам? Важнейшее там было перенумеровано и излагалось в строгом порядке, а я допустил вольность, поставил третий пункт раньше второго? И в этом хотя и не было прямой ереси, но отступление от порядка показалось шагом к ереси, к собственному мнению? И смысл преподавания истории партии по «Краткому курсу» (после того как мы уже несколько раз учили и сдавали эту историю по другим учебникам) был именно в установлении строгого и незыблемого порядка? Вплоть до порядка перечисления одних и тех же тезисов?

Я решил проверить свою гипотезу экспериментом. Весь материал, не изложенный по пунктам, я отбросил, как беллетристику, а перечисления свел к мнемоническим формулам, иногда предельно кратким, иногда анекдотически нелепым. После этого все содержание «Краткого курса» уместилось у меня на внутренней стороне обложки. Несколько раз повторив эту пару страниц, я запомнил их наизусть и кое-что помню до сего дня. Например, пять причин победы Октябрьской революции: «глупая буржуазия, умный пролетариат, крестьянство поняло, партия сумела,

империализм сцепился» или «три черты диалектического метода: связь, развитие, борьба».

Оказалось, что я угадал новую систему оценок. Меня так и спросили на госэкзамене: третья черта диалектического метода. И я тут же, у стола экзаменаторов, не садясь на место, стал лихо отвечать: «третья черта диалектического метода – это борьба. Всякое развитие проходит в борьбе...» и т.д. Цель была достигнута. Я получил пятерку. Правда, при попытке поступить в аспирантуру мне за примерно такой же точно ответ поставили тройку. Внешняя система оценок дополнялась тайными внутренними инструкциями.

В итоге проведенного эксперимента я понял, что цель «Краткого курса» – не развивать мысль, а глушить ее и удерживать в рамках четких, удобных для запоминания формул, не провоцирующих к открытым вопросам и самостоятельным ответам. Все это мне припомнилось в субботу 12-го июля 2008 года, сидя у телевизора, после замечания Евгения Ямбурга, что к поступлению на факультеты точных наук метод тестов не всегда применим, а к набору на факультеты литературы и истории всегда неприменим. И я пожалел, что Евгений Александрович сказал об этом только в конце передачи, а не в самом начале. Потому что нажим на метод тестов разрушает восприятие художественного текста. Школьная проработка литературы и без тестов глушит неуловимую поэтичность, разрушает целое образа своим дробящим разумом. Подготовка ответов по тестам вдохновит компрачиков и будет доводить до отчаяния артистов педагогического ремесла.

Я вспомнил времена моей юности, когда талантливое и своеобразное надо было протаскивать, а штампы садились на голову. Формулы-перечни «Краткого курса» и тесты ЕГЭ не допускали никаких открытых вопросов, никаких проклятых вопросов, преследовавших людей веками, никаких проблем, которые даже за 400 лет после «Гамлета» и примерно 2500 лет

после книги Иова оставались нерешенными. И я сразу согласился с Ямбургом, что через ситечко ЕГЭ может пройти неплохой инженер, иногда даже физик и математик, но не талантливый литератор. Тот прорыв к свободным глубинам духа, которым увлек меня Тютчев, Толстой, Достоевский – этот прорыв сегодня становится еще менее вероятен, чем в годы Большого террора. Террор действовал грубо, страхом, вызывал оцепенение мысли, но она могла еще выйти из оцепенения, структура ее не была полностью нарушена, и при случае еретическое сознание снова оживало, снова приникало к источникам живой воды. А метод тестов в гуманитарных науках делает саму мысль бескрылой, осколочной, лишает ее самого порыва к тайне Целого, неподвластной никакой системе.

Вне своей законной сферы метод тестов становится подобием лоботомии, стеной на пути к глубинам гуманитарной культуры. Вспоминается название статьи Оруэлла: «Предотвращение литературы». Происходит что-то вроде предотвращения гения, предотвращения взгляда в книгу Иова, предотвращен сам вопрос, быть или не быть, на который компьютер не дает ответа, предотвращена мысль, идущая в глубину, к неделимой целостности истины, не укладывающейся в прокрустово ложе прагматики.

Говорят сейчас об истории православной церкви. Надо бы говорить об истории всех великих религий. Но в конце концов, достаточно одной, чтобы в глубинах ее увидеть всё. Глубина неделима, несказанна, и Христос молчит на вопрос Пилата «Что есть истина?» Ибо Пилат требовал от Христа простого однозначного ответа, того самого, который ЕГЭ требует от ученика. Христос зовет нас уподобиться Ему и в иных случаях молчать. Что же мы поставим ученику, который внял Христу, задумался – и промолчал? Исключить из программы все открытые, все проклятые вопросы? Что тогда останется от Достоевского? Что останется от мировой литературы, если со школьных лет отучать задумываться над тем, что

превосходит умственный горизонт чиновника? Кого же тогда готовит школа для будущего России? Ясно только одно: понимать Толстого или Достоевского новая система не учит. Культурная традиция будет прервана. В самом деле, как тестовое мышление может объяснить молчание Христа после речи великого инквизитора в «Братьях Карамазовых»? Я вспоминаю несколько споров об этом среди своих друзей. Я вспоминаю дискуссию о князе Мышкине, вызвавшую к жизни десятки статей... Гуманитарная культура – это культура неразрешимых, открытых в бесконечность вопросов.

Когда Гёте спросили, в чем смысл Фауста, он ответил: «Если бы я знал, я не писал бы "Фауста"». Эту фразу, возможно, имел в виду мой учитель, Леонид Ефимович Пинский, когда сказал мне, после долгих размышлений над «Королем Лиром»: «Я пришел к выводу, что единственное адекватное высказывание о "Короле Лире" – "Король Лир" Шекспира». Что же делать? Не касаться вершин литературы? Обходить «мировые» образы (они все загадочны)?

Все вопросы, способные раскрыть личность юноши или девушки, стать шагом в их духовной биографии – долой! Никакого расчета на внезапное вдохновение, на неожиданную вспышку таланта. Только условно правильные ответы на вопросы государственного катехизиса. Долой личность! Да здравствует Молчалин, угадывающий, что начальству (в данном случае экзаменатору) нужно!

Говорят, что ЕГЭ устранил коррупцию в народном образовании. Не думаю. Система тестов намного сложнее, чем принцип оценок при долбежке «Краткого курса». Но основные типы тестов за несколько лет уже сложились, и можно натаскать любого смышленного недоросля, – как угадать тип вопроса и дать подходящий ответ. Ну, не на пятерку, но на четверку или тройку. А дальше скатертью дорога. Не доучил анатомию – клади в зачетку крупную купюру; экзаменатор поймет тебя и распишется в

получении. Система по-прежнему будет пропускать абитуриентов, у которых есть деньги на репетиторов, а потом пропускать студентов, имеющих средства для личного контакта с профессором. Система экзаменов продержалась в Китае две тысячи лет и две тысячи лет боролась с коррупцией.

Барьер на пути барашка в бумажке – личность. Когда англичане, после восстания сипаев, решили завести в Индии честную администрацию, они назначили на руководящие должности джентльменов. Разумеется, хорошо их обеспечив. Но хорошее обеспечение само по себе нуль, если честь и совесть вытеснили нажива.

Создаст ли ЕГЭ чувство чести? Не думаю. Обеспечит ли ЕГЭ неподкупность должностных лиц после экзаменов? Не думаю. Честность должных лиц на Западе, – особенно на Западе протестантском, – воспитывалась веками. Поможет ли воспоминание о долбежке тестов специалисту, вышедшему из стен университета и вступившего в трясину повсеместной коррупции? Не думаю. Стена на пути коррупции – чувство тождества с героями Толстого и Достоевского, а не уродов, нарисованных Гоголем и Щедриным. И часы на преподавание литературы, русской и мировой литературы, надо не урезать, а увеличивать, насколько это возможно. Даже если недоросли будет ворчать.

Тургенев когда-то разделил русских интеллигентов на Гамлетов и Донкихотов. Но ни гамлеты, ни донкихоты не обирали купцов, как Сквозник-Дмухановский, и даже борзыми щенками не брали взятку. Обмануть начальство, чтобы урвать лишний кусок хлеба, – дело святое. Но взятка – дело подлое, и воровство бывает греховным. Народный инстинкт это понимает. Я был свидетелем любопытного разговора на огороде. «Где твоя совесть, – говорила казачка мальчику, пойманному при попытке украсть дыню. – Это что тебе, колхозное?» Ваня Тарантаев, попавший в одну лагерную бригаду со мной, получил десять лет за помощь брату –

тащить с колхозного гумна мешок пшеницы. Он был абсолютно честным парнем, и даже черного лагерного слова я от него ни разу не слышал. А система...

Систему можно назвать исправительно-трудовой, и один раз из миллиона это удастся (у Макаренко). Социалистическую собственность можно объявить священной и неприкосновенной и по указу от 7.VIII.32 г. сажать на 10 лет за буханку. А Рокотова Хрущев приказал расстрелять за коррупномасштабный обмен валюты: это нарушало государственный интерес. Фома Аквинский признавал естественное право человека на жизнь выше права собственности и оправдывал голодного. Рокотову он простил бы фарцовку: неуважению к законам его научил лагерь, посадили же впервые Рокотова только за то, что он был сыном «врага народа». Человечество признало св. Фому мыслителем, а Хрущева – дураком. Бессмысленная жестокость не спасла ложную систему. Развалившись, она открыла дорогу дикому, безнравственному духу наживы...

Все эти разбросанные мысли ведут к одному. Талантливый учитель литературы скорее выпрямит народную душу, чем любая система экзаменов. Я не против систем, без них не обойтись. Но если система разрушает нравственную связь учителя с учеником, личности с личностью, то опыт культуры на стороне личности.